

Мякотин В. А.

**Очерки социальной истории
Украины в XVII - XVIII вв.**

Том I, Выпуск III

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М99

М99 **Мякотин В. А.**
Очерки социальной истории Украины в XVII - XVIII вв.: Том I, Выпуск III /
Мякотин В. А. – М.: Книга по Требованию, 2012. – 220 с.

ISBN 978-5-458-24056-7

Историческое исследование Мякотина Венедикта Александровича (1867-1937), историка, публициста, члена Совета и секретаря Ученой комиссии (с 1925) Русского заграничного исторического архива в Праге, профессора Софийского университета с 1928 г., посвящено положению украинского крестьянства при поляках, гетманах и после присоединения левобережной Украины к России.

ISBN 978-5-458-24056-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

4. ОБРАЗОВАНИЕ КРЕСТЬЯНСКАГО СОСЛОВІЯ

I

Моментъ созданнаго возстаніемъ Богдана Хмельницкаго разрыва Украины съ польскимъ государствомъ былъ для нея вмѣстѣ съ тѣмъ и моментомъ серьезныхъ и глубокихъ измѣненій въ ея общественномъ строѣ. Строгий сословный строй, навязанный ей передъ тѣмъ силой польской государственной власти, строй, отдававшій главную часть населенія въ крѣпостную зависимость шляхетскому сословію, рухнулъ подъ яростнымъ натискомъ народныхъ массъ, поднявшихся на зовъ Хмельницкаго. Привилегированное шляхетское сословіе исчезло въ вихрѣ возстанія, а немногочисленные уцѣлѣвшіе остатки его безслѣдно растворились въ рядахъ козацкаго войска. Исчезло за время возстанія и крѣпостное крестьянство, обратившееся въ главной своей массѣ въ свободныхъ землевладѣльцевъ. Въ результатъ украинское общество послѣ Богдана Хмельницкаго получило несравненно болѣе простой и однородный характеръ, чѣмъ тотъ, какой оно имѣло подъ польскимъ владычествомъ, тѣмъ болѣе простой и однородный, что за время возстанія и вообще стерлись тѣ рѣзкія грани, которыя существовали раньше между различными общественными группами. Двѣ главныя группы, на которыя распалось послѣ возстанія населеніе Украины, — козацкое «товариство», съ одной стороны, и объединявшее въ себѣ крестьянъ и мѣщанъ «посполство», съ другой, — не были раздѣлены одна отъ другой никакими непреходимыми гранями. И въ бурные годы возстанія Богдана Хмельницкаго, въ періодъ напряженной борьбы съ Поль-

шей, и въ непосредственно слѣдовавшіе за этимъ періодомъ годы переходъ изъ одной группы населенія въ другую совершался вполне свободно. Вчерашній козакъ сегодня становился по своему желанію посполитымъ, вчерашній посполитый сегодня переходилъ въ казаки— и сами мѣстные власти смотрѣли на такіе переходы, какъ на явленіе вполне естественное, само собою разумѣющееся и не вызывающее никакихъ сомнѣній.

Черниговскій полковникъ Иванъ Аврамовичъ, разрѣшая въ 1657 г. своему «пріятелю» Ивану Войцеховичу поселить слободу на урочищѣ Московскомъ Селищѣ между селами Пекуровкой и Конотопомъ, позволилъ Войцеховичу призывать на эту слободу въ качествѣ поселенцевъ всѣхъ, «кто толко такъ изъ товариства войска запорожского, яко тежъ (равно какъ) изъ посполитства, зичить и жадаеть (хочеть и желаетъ) себѣ на слободу ити». Вслѣдъ за тѣмъ то же позволеніе подтвердилъ Войцеховичу и смѣнившій Аврамовича на посту черниговскаго полковника Іоанникій Силичъ¹⁾. Ни Аврамовичъ, ни Силичъ не усматривали, очевидно, ничего неправильнаго и неприемлемаго въ переходѣ отдѣльныхъ козаковъ въ положеніе посполитыхъ частнаго владѣльца, разъ этотъ переходъ совершался казаками добровольно. Не усматривали въ такомъ переходѣ ничего неправильнаго и другіе полковники этого времени. Прилуцкій полковникъ Лазарь Горленко сообщалъ въ 1680 г. товариству и посполитымъ людямъ с. Деймановки, отданнаго гетманомъ Густынскому монастырю, что по условію, заключенному имъ, полковникомъ, съ игуменомъ, казаки даннаго села должны пользоваться «своей давной и неотступной козацкой вольностью». «А которіе — прибавлять тутъ же полковникъ — з доброй волѣ своей за Третьякова полковництва, откинувшись з реестру нашего, сами доброволне монастыреви оповидалися (обязались) служити, такъ теды ми, южъ отставивши от своего послушенства и из реестру витерши, под монастырское начало подали, що южъ (такъ что уже) теперь жадень (каждый) таковой, болше не чинячи себе козакомъ, належного пилнуеть послушанья (обязанъ отбывать должное послушеніе)»²⁾. И Горленко, такимъ образомъ, не считалъ нужнымъ протестовать противъ перехода отдѣльныхъ козаковъ по

¹⁾ Генеральное слѣдствіе о маестностяхъ Черниговскаго полка, Ч. 1909, с. 527.

²⁾ Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Кав. Палаты въ Кіевскій Центральный Архивъ, № 1616/1027. Семень Третьякъ былъ прилуцкимъ полковникомъ въ 1671—72 гг.

ихъ «доброй волѣ» въ ряды владѣльческихъ посполитыхъ, принимая фактъ такого перехода, какъ вполне нормальное явленіе.

Такой переходъ изъ козаковъ въ посполитые совершался тѣмъ легче и незамѣтнѣе, что, и оставаясь въ рядахъ «товариства», козаки не всегда лично отбывали свою военную повинность, а порою выставляли за себя на этотъ случай наймитовъ. Въ 1664 г. Григорій Косаговъ, отправившись съ московскими ратными людьми и съ нѣсколькими сотнями козацкаго войска въ походъ подъ Корсунь, съ дороги писалъ въ Москву: «а черкасъ въ моемъ полку самихъ козаковъ немного, все наймиты овчары изъ винницъ, и малыхъ робятъ много; а сами козаки живутъ въ домахъ своихъ»¹⁾. Случалось порою и такъ, что наймитомъ, отправлявшимся въ походъ вмѣсто козака, являлся владѣльческій посполитый, причемъ за его службу козакъ расплачивался съ нимъ своей землей. И опять-таки мѣстныя административныя и судебныя власти, вплоть до членовъ генеральнаго суда, еще въ концѣ XVII вѣка не находили нужнымъ протестовать противъ такого рода сдѣлокъ, не усматривая въ нихъ ничего неправомѣрнаго. Вотъ для примѣра одинъ изъ документовъ, наглядно обрисовывающихъ эту сторону взаимныхъ отношеній козаковъ и посполитыхъ въ первыя десятилѣтія послѣ возстанія Богдана Хмельницкаго, — уступная записка, выданная въ 1696 г. «товарищемъ понорницкой сотни» Якимомъ Полевымъ. «Я, ниже подписанный, — говорится въ этой записи — сознаю симъ писаніемъ моимъ теперь и на потомніе часы, кому о томъ вѣдати належитъ, ижъ (что) подданный обители святыя Киево-Печерскія, а житель радичевскій, именно Михалъ Плотка, доброволне от мене нанятій, не толко на господарскую (хозяйственную) работу, но и въ походы военніе отъ мене посылаемый хожовалъ, а служилъ самъ собою лѣтъ шесть, а со женою своею лѣтъ мало не пять, всего чинить (составляеть) близъ одинадцати годъ. За таковую его вѣрную службу ведлугъ (согласно) слова и постановленія моего повиненъ я оному Михалеви третью часть имѣнія во всѣхъ кгрунтахъ моихъ виделить и дать, и ужемъ (уже я) былъ по должности моей оному слузѣ третину во всемъ отделилъ. Но за совѣтомъ пана сотвика нашего... не попуцалемъ тоей третини ему, Михалеви, заживать (пользоваться); за таковую теды кривду позивалъ мене Михалъ Плотка в Батуринъ до суду войскъ Запорозкихъ енерална-

¹⁾ Акты Ю. и З. Россіи, т. V, № 63, с. 158.

го... Тамо передъ судомъ панскимъ енералнимъ, яко позванный, очевисте ставши, по совершенной инквѣзиціи (разбирательству) между нами обѣма сторонами, декретовано мене двома способами, албо (или) ему, Михалеви, яко доброволному служѣ, за его вѣрную працу (работу) третью часть имѣнія моего в кгрунтахъ дать, албо грошми копѣ пятьдесятъ платить велено. Повинуючи-ся теде суду святому, избралемъ себѣ з тихъ двоихъ декреталныхъ наказовъ третину кгрунтовъ моихъ отдать, которую видѣлиши, вѣчне ей отступаю и не мѣю южъ вѣчными часы такъ, я самъ, яко и потомки и кривніи, близкіи и далекіи, до тоей третини кгрунтовъ интересоватися, але (но) ему, Михалеви, яко власнимъ (собственнымъ) своимъ кгрунтомъ, волно, якъ хотѣти, диспозовати»¹⁾.

Не отбывая лично военной повинности, посылая за себя въ походы наймита, козакъ сближался уже съ посполитымъ, но продолжалъ еще оставаться въ рядахъ «войскового товариства». Бывало однако и такъ, что козаки, стремясь совершенно избавиться отъ тягостей военной службы, дѣлали еще одинъ шагъ и формально переходили въ положеніе посполитыхъ. Съ другой стороны, бывали и такіе случаи, что сами козаки не дѣлали этого шага, довольствуясь лишь уклоненіемъ отъ военной службы, но власть, именно въ виду такого ихъ уклоненія, сама переводила ихъ въ ряды посполитыхъ. Въ 1678 г. архимандритъ Новгородсѣверскаго монастыря жаловался гетману Мазепѣ, что «козаки, прошлого лѣта в маестностехъ монастирскихъ ново до реестру козацкого повписованные, любо (хотя) двигнены были в походъ теперешное войсковое дороги посполу (вмѣстѣ) з иными козаками, однакъ, не дочекавши (дождавшись) належитого в той службѣ конца, знать не хотячи тоее праці (работы) войсковое двигати, прежде времени поворотилися назадъ до домовъ своихъ, а теперѣ волностями козацкими себе охороняють». Въ виду этого игумень просилъ возвратить такихъ нововписанныхъ козаковъ «подъ послушенство монастирское» и гетманъ нашель возможнымъ удовлетворить эту просьбу. «Мы теде, — писалъ Мазепа въ своемъ универсалѣ «паномъ полковникомъ черниговскому, нѣжинскому и стародубовскому и всей старшинѣ и черни, в тыхъ полкахъ найдуючойся», — «уважаючи самую слушностью, же (считая вполнѣ справедливымъ, что) козакъ нововписанный давному

¹⁾ Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ Киевск. Центр. Архивъ, № 1616/1319.

такому, який от килка десять (втеченіє нѣсколькихъ десятковъ) лѣтъ; а иный з отца, албо и з дѣда працы войскови двигаетъ, ровень быти не можетъ, для чого и волности козацкой ровной новому з давнымъ уживати (имѣть) не доводится, яко тотъ тыхъ утѣкачовъ нестатокъ ганимъ (проступокъ порицаемъ), такъ и мѣти хочемъ и приказуемъ, абы (чтобы) всѣ тые, хочъ старіе козаки, якіе, безвременно з войска поворочавшия, до домовъ поприходили, а новіе всѣ под послушенство монастира Новгородского были подвернены, кромѣ тыхъ давныхъ, що в войску працювали и працювати хочуть статечне»¹⁾. Иногда, впрочемъ, гетманъ въ аналогичныхъ случаяхъ ограничивался и менѣе рѣшительными мѣрами. Такъ, тотъ же Мазепа, получивъ въ 1698 г. жалобу отъ архимандрита черниговскаго Елецкаго монастиря на чрезмѣрное обремененіе подданныхъ монастирскихъ имѣній «общенародными повинностями», удовольствовался предписаніемъ, чтобы «козаки, в тихъ же селахъ монастирскихъ живучи, котори нѣколи (никогда) до войска не ходять, помочними были людемъ тяглимъ в кормленю компанѣйцовъ и пѣхотного товариства»²⁾. За то даже исправно отбывавшіе военную повинность козаки иногда наравнѣ съ посполитыми обязывались нести нѣкоторыя повинности въ пользу владѣльцевъ, чаще всего — исправлять плотины («гатишь гребли») у владѣльческихъ мельницъ. Гетманъ Многогрѣшный, на примѣръ, въ 1669 г. предписалъ и посполитымъ, и козакамъ с. Кириевки исправлять въ этомъ селѣ плотину, на которой стояли мельницы Новгородсѣверскаго монастиря, и послѣ того это распоряженіе было подтверждено и гетманами Самойловичемъ и Мазепой. Въ 1704 г. архимандритъ Новгородсѣверскаго монастиря пожаловался Мазепѣ, что это распоряженіе не выполняется, и тогда Мазепа обратился къ «атаману съ товариствомъ и войту со всѣми посполитыми людемъ, жителями села Кириевки», съ особымъ универсаломъ. «Приказуемъ вамъ симъ писаніемъ нашимъ грозно, — писалъ онъ въ этомъ универсалѣ — абысте (чтобы вы) по прежнему миромъ оную греблю в гаченю направляли, поневажъ (такъ какъ) черезъ оную до млиновъ ихъ ездите и в ихъ млинахъ всякое збоже (хлѣбъ) мелете и вигоду себѣ мѣете, а над то еще, череду (стадо) свою гонячи в поле и з поля, также и сами уставичне (постоянно) ездячи за своими потребами, греблю разбиваете; а еслибы по давнему обыкновенію за упоромъ и огурствомъ

¹⁾ Тамъ же, № 1616/2487.

²⁾ Тамъ же, № 1616/746.

якимъ той греблѣ Кирѣвской не похотѣлисте гатити, то позво-
лимо имъ, законникамъ (монахамъ), на той греблѣ кобылицю за-
кинути и переездъ черезъ оную вамъ зборонити»¹⁾. И такія по-
винности козаковъ по отношенію къ владѣльцамъ порою сохраня-
лись довольно долго. Еще въ 1723 г. игуменъ Омбышскаго мона-
стыря просилъ наказнаго нѣжинскаго полковника распорядиться,
чтобы въ с. Омбышѣ козаки «греблю всѣ обще, всякому селянину
до переезду и млыва (помола) потребную, гатили», и полковникъ
въ отвѣтъ на эту просьбу, дѣйствительно, заявилъ, что «греблю,
якъ всѣмъ омбышанамъ потребную, селомъ гатити надлежитъ, якъ
везде дѣется по городахъ и селахъ»²⁾.

Въ нѣкоторыхъ сторонахъ своей жизни козаки стояли та-
кимъ образомъ очень близко къ посполитымъ, настолько близко,
что даже иныя повинности послѣднихъ по отношенію къ вла-
дѣльцамъ имѣній порою распространялись и на козаковъ. При
этомъ, отличаясь отъ посполитыхъ прежде всего своей военной
службой, козаки на первыхъ порахъ не всегда отбывали эту
службу непремѣнно лично: они могли выставлятъ — и нерѣдко
дѣйствительно выставляли — въ отправлявшееся въ походъ вой-
ско своихъ наймитовъ и такими наймитами подчасъ являлись
посполитые, вполнѣ уравнивавшіеся въ этомъ случаѣ съ козака-
ми. Въмѣстѣ съ тѣмъ козацкое «товариство», какъ оно сложилось
послѣ возстанія Богдана Хмельницкаго, не представляло собою
и замкнутой, строго обособленной отъ остальнаго населенія, груп-
пы. Отдѣльнымъ членамъ этого «товариства» всегда открыта бы-
ла дорога изъ него и на практикѣ они нерѣдко и переходили въ
посполитые, не встрѣчая никакого препятствія къ такому пере-
ходу со стороны власти. Въ свою очередь эта послѣдняя считала
за собою право переводить отдѣльныхъ козаковъ, не выполняв-
шихъ своей служебной повинности, въ число посполитыхъ и по-
рою пользовалась этимъ правомъ на практикѣ.

Но если козакамъ была открыта дорога въ «посполѣство»,
то посполитые, съ своей стороны, могли переходить и, дѣйстви-
тельно, переходили въ ряды козачества. Съ началомъ возстанія
Богдана Хмельницкаго, послѣ первыхъ побѣдъ его надъ поля-
ками, крестьянство и мѣщанство массами хлынуло въ ряды ко-
зацкаго войска. «Посполѣство — разсказывалъ гетманскій посла-

¹⁾ Документы монастырей, арх. Черниг. Каз. Палаты №№ 1616/2468
1616/2469, 1616/2482, 1616/2494, 1616/2493.

) Тамъ же, № 1616/1760.

нецъ въ Москвѣ — въ казачество все поворотилось»¹⁾). И это чуть не сплошное оказаніе Украины, оказаніе, доходившее до того, что населеніе такихъ крупныхъ городовъ, какъ Стародубъ, цѣликомъ переписывалось въ козаки, продолжалось, съ нѣкоторыми лишь перерывами, почти до самаго присоединенія ея къ Московскому государству. Съ теченіемъ времени, правда, небольшая часть мѣщанъ и крестьянъ, ушедшихъ было въ козаки, вновь вернулась въ посполство. Но та причина, которая заставляла Богдана Хмельницкаго въ 1648—54 гг. призывать посполитыхъ въ казачество, не прекратила своего существованія и послѣ присоединенія Украины къ Москвѣ, и послѣ смерти самого Богдана. Съ одной стороны, непрерывныя войны съ сосѣдями, съ другой, внутреннія междоусобицы, раздиравшія Украину, побуждали и ближайшихъ преемниковъ Богдана Хмельницкаго въ цѣляхъ увеличенія своей военной силы время отъ времени призывать посполитыхъ въ козацкіе полки. Такіе призывы практиковались еще въ концѣ XVII вѣка, и украинскій лѣтописецъ, описывая приготовленія гетмана Самойловича къ походу на Крымъ въ 1687 г., отмѣчаетъ среди этихъ приготовленій и такое: «козаковъ приболшано з посполства»²⁾).

Но переходъ посполитыхъ въ козаки совершался и помимо этихъ, повторявшихся отъ времени до времени призывовъ со стороны власти. Отдѣльные посполитые переходили въ казачество и по своему собственному почину, причемъ такой переходъ въ свою очередь порою достигалъ весьма значительныхъ размѣровъ. Въ с. Быстрикѣ, лежавшемъ на территоріи Нѣжинскаго полка и принадлежавшемъ Черниговскому Каѳедральному монастырю, какъ рассказывалъ въ 1705 г. одинъ изъ старожиловъ этого села, еще въ 1665 г. монастырскихъ подданныхъ насчитывалось 120 тяглыхъ человѣкъ. «Тилко — продолжалъ упомянутый старожилъ свой рассказъ — часть отъ часу стало насъ, людей тяглыхъ, уменьшатись, бо почали вписоватися въ козацтво», и, наконецъ, къ гетманству Мазепы «подданныхъ монастырскихъ такъ далеце уменьшилося, же (что) зосталося было тяглыхъ пять человѣка»³⁾). Подобные же переходы посполитыхъ въ козаки практиковались и въ другихъ мѣстностяхъ, встрѣчая порою прямою под-

¹⁾ Востокъ. Первые сношенія Богдана Хмельницкаго съ Москвой, «Кіевская Старина», 1887 г., № 8, стр. 123.

²⁾ Лѣтопись Самовидца, с. 166.

³⁾ Обзорніе Гумянецовской Описи Малороссіи, вып. 2, сс. 350—1, примѣчаніе.

держку со стороны властей. Въ 1708 г. посполитый с. Поповой-Горы, принадлежавшаго Кіево-Печерской лаврѣ, Климъ Ильичъ, вслѣдствіе притѣсненій монастырскаго управляющаго, оставилъ свою землю и ушелъ въ с. Ширки, гдѣ купилъ землю у козака и сталъ отбывать козацкую повинность, обратившись при этомъ къ защитѣ стародубовскаго полковника Лукьяна Жоравки. Послѣдній не отказалъ ему въ его «слушномъ прошеніи» (справедливой просьбѣ) и принялъ просителя въ «компуть козацкій»¹⁾, такъ какъ «онъ, Климъ Ильичъ, увесъ свой грунтъ оставивши въ Поповой-Горѣ, никому не завелъ и уже на ономъ тяглый человекъ мешкаетъ (живетъ), ченцамъ отбываетъ всякую повинность и послушенство»²⁾.

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ принятіе посполитаго въ число козаковъ было мотивировано тѣмъ, что онъ покинулъ тотъ земельный участокъ, на которомъ онъ жилъ, будучи посполитымъ. Но въ болѣе раннее время, и въ особенности въ первыя десятилѣтія послѣ возстанія Богдана Хмельницкаго, посполитые, не исключая и посполитыхъ владѣльческихъ, переходили въ козацество, удерживая за собою и свои земельные участки. И въ сохранившихся отъ начала XVIII вѣка разсказахъ старожиловъ о болѣе раннемъ времени имѣется рядъ свидѣтельствъ, показывающихъ, какъ легко и по какимъ разнообразнымъ поводамъ совершались тогда такіе переходы. Я позволю себѣ воспроизвести здѣсь для примѣра нѣкоторыя изъ этихъ свидѣтельствъ, такъ какъ только на такихъ конкретныхъ примѣрахъ можно вполне ясно представить себѣ характеръ тѣхъ отношеній, какія установились между различными группами населенія въ селахъ и деревняхъ Украины послѣ возстанія Богдана Хмельницкаго.

Въ селѣ Омбышѣ, принадлежавшемъ устроенному здѣсь по просьбѣ прежней владѣлицы Кіево-Печерской Лаврой Омбышскому монастырю, — разсказывалъ въ XVIII вѣкѣ 83-лѣтній мѣстный старожилъ, «бояринъ» Савва Грушевскій, хорошо помнившій со словъ своего отца Хмельницину, — до возстанія Богдана Хмельницкаго вовсе не было козаковъ. При Хмельницкомъ же многіе изъ мѣстныхъ посполитыхъ перешли въ козаки и монахамъ нельзя стало «належити владѣти» оставшимися въ ихъ подданствѣ людьми изъ-за этихъ «назвавшихся козаковъ, якіе насилне чрезъ

¹⁾ «Компутами» назывались списки козаковъ, ведшіеся сотейными и полковыми властями.

²⁾ Обзорніе Рум. Описи, вып. 3, сс. 713—15.

лютую свою злобу панскими и людскими борами, лѣсами, полями, сѣнокосами и прочими пахатными и непахатными грунтами и рыболовлями, отнимаючи, позавладѣли». Но этимъ дѣло не ограничилось и переходъ посполитыхъ въ козаки продолжался въ Омбышѣ и послѣ Хмельницкаго. Немало людей, — рассказывалъ Грушевскій — «з стороны пришовши предъ Чигринщиною, в Омбышѣ поселилися на монастырскихъ грунтахъ и, слободу видѣвши, не хотѣли zostавати у подданствѣ да вписалися въ козаки». «Васко Кушвидъ — сообщалъ Грушевскій о нѣкоторыхъ изъ такихъ переселенцевъ — пришелъ до Омбиша на слободу предъ Чигринщиною и з швагромъ своимъ Лаврѣномъ и, поселившись на монастырскомъ грунтѣ, вписались в козатство... Иванъ Кузменко, пришовъ до Омбиша на слободу и поселившись на монастырскомъ грунтѣ, сталъ козакомъ... Максюта, пришовъ до Омбиша на слободу и поселившись на монастырскомъ грунтѣ, сталъ козакомъ и оный Максюта синовъ не имѣлъ, а принялъ к себѣ до половины Юска Бабича, махновского родимця (уроженца), и въ походахъ оный Бабичъ не бивалъ, а на грунтѣ якоу Максюта жилъ и козаковалъ, и по смерти Максютиной на томъ же монастырскомъ грунтѣ и Бабичъ жилъ, а по смерти Бабичевой жена его той грунтъ продала козаку Данилу Легкому... Степанъ Драга, родимецъ Хорошого Озера и в ономъ селѣ не козаковалъ, ибо не имѣлъ своего грунту, ио в своего дядка вмѣсто наймита жилъ, когда жъ взялъ за себе в козака Леска Лузана дѣвку и, перейшовши в Хорошого Озера до Омбыша, сталъ жить при тестю, потомъ купилъ (у другого изъ новыхъ омбышскихъ козаковъ) половину грунту и, живючи на той половинѣ, сталъ козаковать». Иные изъ этихъ козаковъ, вписавшись въ козачество, ходили и въ походы, иные не бывали въ нихъ, а иные старательно и безуспѣшно избѣгали всякихъ походовъ. «Грицко Дурейченко — рассказывалъ Грушевскій — родился въ Омбышѣ и нѣ в якихъ походахъ не былъ, ибо толко загадаютъ (позовуть) в походъ, то оиъ поидеть из села и не является, поки козаки виступлять в походъ... Жукъ жилъ на монастырскомъ грунтѣ и былъ нѣ подданный, нѣ козакъ, ибо если загадаютъ в войско, то оный подданнымъ называется, толко жъ войско проминеть, то оный знову козакомъ зовется, и в походахъ нѣякихъ не былъ»¹⁾.

Такія же или почти такія же показанія сохранились и о на-

¹⁾ Документы монастырей, переписанные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ Киевскій Центр. Архивъ, № 1616/1164.

селені многихъ другихъ мѣстностей лѣвобережной Украины. Такъ, въ селѣ Коровинцахъ, расположенномъ въ Лубенскомъ полку, въ 1722 г. произведено было, по распоряженію наказнаго гетмана Полуботка, «изслѣдованіе» о «причисляющихся къ чину козачому», и изслѣдованіе это дало картину, въ очень многомъ похожую на ту, которая нарисована была показаніями Саввы Грушевскаго для с. Омбыша. Наряду съ козаками, неизмѣнно оставшимися членами войскового «товариства», и въ Коровинцахъ оказалось не мало такихъ козаковъ, которые вошли въ козачество изъ рядовъ посполитыхъ. На первомъ мѣстѣ среди коровинскихъ старожиловъ «изслѣдованіе» поставило Юска Юхту, «козака старости глубокой, понеже не токмо имени его в компутѣ сотни Роменской отъ начала козацтва его жъ, но и компуту самого нѣтъ одъ того времени». Юхта показалъ о себѣ, что «родился онъ, Юско, въ Коровинцахъ, а памятаеть Хмелницкого гетмана старого», и всю жизнь пробылъ козакомъ, причемъ участвовалъ въ рядѣ походовъ. Но тутъ же онъ прибавилъ, что «самъ онъ, Юхта, принялъ Науменка, сына мужичого, зятя своего, на пляцъ (въ усадьбу) и щититъ (защищаетъ) одъ повинностей мужичихъ». Другой старинный коровинскій козакъ, Иванъ Яковенко, заявилъ, что онъ «поселился в Коровинцахъ одъ Хмелницкого, на отчимовскомъ козачомъ кгрунтѣ, сыновъ з нимъ четверо на одномъ пляцу и зять, сынъ мужичій, Иванъ Загребелненко». Еще одинъ козакъ, Федоръ Лаврикъ, — «сыновъ зоставилъ четырехъ: Ивана, Матвѣя, Ивана и Андрѣя; служатъ козацко в куренѣ, живутъ сѣлитбою порознь: Иванъ старѣйшій на Тишковскомъ дядковскомъ козачомъ кгрунтѣ и тестя мужика принялъ, а тестевскимъ пляцомъ владѣеть; Матвѣй купивъ кгрунтъ у мужика Андрѣя Журавля; Иванъ младшій на Коноваловомъ мужичомъ пляцу; Андрѣй на отцевскомъ кгрунтѣ». «Семень Бѣлокобила, синъ мужичій, — записывалъ далѣе производившій «изслѣдованіе» войсковою товарищъ — принять в реестръ козацій и, понявши дочь Терешка, тогда атаманствовавшого, живъ и живетъ на родительскомъ кгрунтѣ мужичомъ... Грицко Коваленко, атаманъ нинѣшній, по родителю Федору Ковалю, за Самойловича гетмана з Смѣлой зашедшомъ [который подъ Казикерменомъ чрезъ его жъ неразумокъ взять в неволю на чужомъ коню], не былъ нигде в козачей службѣ ни онъ, ни Охрѣмъ, братъ его младшій, доселѣ и служатъ к дворцу (владѣльческой усадьбѣ); поселился Грицко з волѣ державской на мужичомъ Пригариномъ пустомъ кгрунтѣ... Василь